

Диалог человека и тигра в контексте проблемы духовных ценностей в современной дальневосточной прозе (на примере сборника П.В. Фоменко "Поцелуй тигрицы")

Мария Сергеевна КИСЕЛЕВА

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия, e-mail: kiseleva.ms@dvfu.ru

Аннотация. Предмет исследования – комплекс духовных ценностей, связанных с диалогом человека и тигра в современных рассказах П.В. Фоменко. На основе сравнительно-сопоставительного и системного методов определяются формы диалога, рассматриваются связанные с ним сюжеты и образы, которым даётся культурологический комментарий. В качестве главных художественных приёмов выделяются параллелизм, олицетворение, символы, нелинейность сюжета. Характеризуются представления героев о таких ценностных категориях, как смерть, судьба и жизнь, понимание другого, дружба, честь и достоинство, традиции, семья и свобода.

Ключевые слова: П.В. Фоменко, "Поцелуй тигрицы", дальневосточная проза, духовные ценности, образ тигра

Для цитирования: Киселева М.С. Диалог человека и тигра в контексте проблемы духовных ценностей в современной дальневосточной прозе (на примере сборника П.В. Фоменко "Поцелуй тигрицы") // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 48–55. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/48-55>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/48-55>

Dialogue of the Man and the Tiger in the Context of the Problem of Spiritual Values in Modern Far Eastern Prose (on the Example of P.V. Fomenko's Collection "Kiss of the Tigress")

Maria Sergeevna KISELEVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kiseleva.ms@dvfu.ru

Abstract. The article analyzes the dialogue between the man and the tiger, which is central to P.V. Fomenko's cycle of modern stories "Kiss of the Tigress". The subject of the study is a set of spiritual values associated with this dialogue. On the basis of comparative and systematic methods, the main forms of the dialogue are listed, the plots and images connected with it are considered, which are also given a cultural commentary. Parallelism, personification, universal symbols, and the non-linearity of the plot are highlighted as the main artistic techniques. The characters' ideas about such value categories as death, fate and life, understanding the other, friendship, honor and dignity, traditions, family and freedom are characterized. The image of the tiger created by P.V. Fomenko is a symbol of the life of the taiga, one of the greatest values of Russia.

Keywords: P.V. Fomenko, "The Kiss of the Tigress", Far Eastern prose, spiritual values, the image of the tiger

For citation: Kiseleva M.S. Dialogue of the Man and the Tiger in the Context of the Problem of Spiritual Values in Modern Far Eastern Prose (on the Example of P.V. Fomenko's Collection "Kiss of the Tigress") // Oriental Institute Journal. 2022. № 4. P. 48–55. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/48-55>

Образ амурского тигра в картине мира россиян, связавших свою жизнь с Дальним Востоком, присутствует уже не одно столетие и отчётливо соотносится с комплексом основополагающих духовных ценностей (категорий, качеств и норм, значимых "и для отдельного человека, и для общества, к которому он принадлежит" [9, с. 229]). В середине XIX в. тигр воспринимался как крайне опасный зверь [13], а также как хранитель и защитник рубежей, а в начале XX в. стал олицетворением доблести русского воинства [2, с. 4]. И эти представления существовали на фоне древних мифологических воззрений, связанных с образом тигра как первопредка, божества, посредника между миром человека и миром духов, хранителя миропорядка [2, с. 6], у других народов Дальнего Востока. Поэтому неудивительно, что изучавшие природу региона писатели и путешественники (например, Н.М. Пржевальский, В.К. Арсеньев, Н.А. Байков и др.) уделяли большое внимание амурскому тигру. Существует целый ряд научных статей, посвящённых его образу и связанным с ним

представлениям, отразившимся в обрядовой культуре, фольклоре и литературе Дальнего Востока, среди которых работы В.В. Подмаскина [10], А.Ф. Старцева [14], Л.Е. Фетисовой [16], Е.О. Кирилловой [5], Cheng Shuangting [21], Чэнь Синной [20], Чой Чжунын [19], а также многих других исследователей. Учёные отмечают важность рассматриваемого образа в картине мира жителей региона, многообразие интерпретаций в зависимости от той или иной культурной традиции и времени её существования, разноаспектность связей с духовными ценностями разных этносов.

Внести вклад в изучение связи образа тигра с духовными ценностями русского населения Дальнего Востока XXI в. позволит обращение к сборнику современного автора – Павла Васильевича Фоменко. В лучших традициях писателей-краеведов он приходит к созданию художественных текстов через годы жизни в тайге, прямого взаимодействия с её обитателями. Биолог-охотовед, главный координатор проектов по сохранению биоразнообразия Амурского филиала Всемирного фонда дикой природы (WWF) П.В. Фоменко публикует цикл рассказов "Поцелуй тигрицы" (2020 г.) [18], центральным мотивом которого становится встреча человека и тигра, перерастающая в диалог носителя культуры с персонификацией природной стихии, высвечивающая сильные и слабые стороны духовной жизни нашей цивилизации. Сам Павел Васильевич не избежал такой встречи, она оставила свой след на его теле и в его творчестве, а его рассказы, по мнению писателя М.А. Тарковского, могут помочь детям вырасти людьми, "на уме у которых не деньги, а служение нашей многострадальной и непобедимой родине, за которую каждый из нас в ответе" [15]. Таким образом, в рамках актуальной и многоаспектной для Дальнего Востока "тигриной темы" новизну нашей работе обеспечивает обращение к современным текстам, уже получившим признание (специальная номинация "За вклад в развитие современной культуры Дальнего Востока", учреждённая губернатором Приморского края О.Н. Кожемяко в рамках литературной премии "Дальний Восток" им. В.К. Арсеньева), но ещё не нашедшим широкого освещения в научных публикациях. Объектом нашего исследования становится диалог человека и тигра в произведениях П.В. Фоменко (под термином "диалог" мы вслед за А.Б. Фисенко и О.М. Култышевой [17] подразумеваем многоаспектное понятие, обозначающее и диалог автор – читатель, и диалог персонажей, и диалог культур, и проч.), а предметом – комплекс духовных ценностей, связанных с данным диалогом. Мы ставим перед собой цель изучить принципы отражения и особенности интерпретации в контексте духовных ценностей взаимодействия человека и тигра. Для этого будут решены следующие задачи: знакомство с имеющейся научной литературой по теме; в результате анализа сюжетов, образов и основных проблем выявление комплекса духовных ценностей, нашедших отражение в цикле "Поцелуй тигрицы"; характеристика особенностей интерпретации каждой духовной ценности. При исследовании использовались сравнительно-сопоставительный и системный методы, позволившие осуществить анализ сюжетов, образов, основных проблем произведений, а также культурно-исторический метод, с помощью которого были раскрыты особенности интерпретации духовных ценностей в изучаемом сборнике.

Сама форма диалога является для рассматриваемого цикла центральной: от первого рассказа ("Убей меня"), где герой ведёт диалог с тигром и самим собой, до финального ("Кому он нужен, этот тигр?"), где диалог превращается в полилог. И на протяжении всего повествования в обсуждение благодаря элементам сказовой формы, а в финале и прямому обращению, активно включается читатель. Предмет диалога – тигр, его роль и значение в жизни очень разных людей, связь восприятия образа зверя с такими духовными ценностями, как представления о смерти, судьбе и жизни, умение понять и принять другого, дружба, честь и достоинство, любовь к традициям, семье и свободе. В каждом из 18 рассказов так или иначе затрагивается большинство из перечисленных категорий, качеств и норм. Образ тигра не встретится только в седьмом тексте ("Шланг"), посвящённом леопарду, сначала спасённому человеком, а потом убитому в клетке пьяными браконьерами. Однако косвенно тигр также "присутствует": со смертью Шланга начинается соз-

дание охраняемой территории, где найдут защиту не только леопарды, но и амурский тигр, дальневосточный лесной кот, обыкновенная рысь.

Стремление осмыслить такие категории, как смерть [11], судьба [12] и жизнь [4], является общим для многих культур мира. Сборник П.В. Фоменко начинается с рассказа, где истощённый тигр, раненный нечестным человеком, приходит к лесному жилью удэгейца-охотника Василия и просит о смерти. Первой репликой диалога человека и тигра становится страшная просьба: Василию чудится, что тигр просит убить его. Так задаётся тема смерти, становящаяся в сборнике одной из магистральных. Автор рассказывает о представлениях коренных народов Дальнего Востока, связанных с тигром как персонификацией смерти (злой, как чёрт, амба – "Убей меня", "Лучшее время для охоты", "Месть", "Амба", "Нападение"), смерти грозной и безжалостной. В нескольких рассказах охотники говорят, что тигра не видели, только слышали, и уходили, чтобы не пересекаться с ним, так как если увидел тигра – считай смерть свою увидел ("Амба", "Бич Ильич"). Соотнесённость тигра с образом смерти поддерживается такими деталями описания зверя, как острейшие клыки (даже у маленьких тигрят), шестисантиметровые когти (сравнивающиеся с саблями или кинжалами), горящие глаза, неожиданностью и неминуемостью нападения, сравнением с вихрем, злым духом. Но подчёркивается и то, что нападение зачастую обосновано, является наказанием за грехи людей. И тема смерти переходит в тему судьбы, о которой часто размышляют герои П.В. Фоменко ("Упорный", "Промак", "Немой", "Поцелуй тигрицы", "Отлов", "Кому он нужен, этот тигр?" и др.). Диалоги охотников с тигром и/или их диалоги о тигре, внутренние, внешние, переплетаются в повествовании, находят отражение во встрече человека и зверя, двух зверей (тигров, тигра и кабана, тигра и собаки и проч.) на охотничьей тропе, становящейся символом судьбы и её затейливых узоров, невероятных случайностей и закономерностей.

Если тигр для коренных народов, а впоследствии и для русских охотников дальневосточной тайги, является символом судьбы, то точно так же человек нередко вольно или невольно воплощает её для тигра, поскольку меняет место его обитания, вторгаясь в дикую природу. Но любой путь судьбы, счастливой или несчастной, удачной или не очень, заканчивается, и заканчивается он уходом и тигра, и человека в страну вечной охоты, на встречу с вечностью ("Убей меня", "Амба", "Бич Ильич" и др.). И так разговор о смерти и судьбе переходит в размышления о жизни, её течениях и смысле. Если для коренных народов жизнь и смерть воплощаются в амбивалентном образе тигра как живого божества, где смерть – злой амба, а жизнь – великий ван, распоряжающийся судьбой всех живущих в тайге, то для русских охотников тигр в первую очередь – коварный и жестокий хищник, самый опасный и крупный на планете, которого боится даже медведь [3, с. 211], символизирующий в славянской культуре здоровье и силу и нередко предстающий как глава лесных зверей.

Для охотников-аборигенов диалог с тигром естественен и привычен, сформирован всем образом жизни, а русским людям к такому диалогу необходимо прийти, прийти через страх, лишения, поиск ответа на вопрос, почему тигр так нужен, не легче ли навсегда избавиться от его опасного соседства. П.В. Фоменко показывает, как непросто и трудно этот путь, как сложно начать видеть в тигре воплощение не только смерти, но и жизни (не случайно при описании зверя используется отсылка его облика ("Убей меня"), его отпечатков ("Отлов") и его имени (Люттик из "Кому он нужен, этот тигр?") к цветку, упоминаются зелёный цвет глаз и бескрайние зелёные просторы тайги ("Упорный", "Что-то пошло не так", "Владик")). Оправданность кажущихся беспричинных злых поступков тигра (убийства людей и собак) раскрывается постепенно, завершающим аккордом становится объяснение причин нападения, описанного в рассказе "Амба", в финальном произведении "Кому он нужен, этот тигр?". Совмещение нескольких временных пластов, переосмысление прошлых событий, обращение к ним сразу в нескольких рассказах и рассмотрение с новых ракурсов – всё это позволяет показать, как происходил процесс формирования у русского человека представлений о тигре как воплощении жизни дальневосточной тайги. И в последнем произведении читатель знакомится со взглядами

очень разных людей России (учёного, политика, тигролова) на этого хищника, единого в том, что тигр – это величайшая ценность, которую человек обязан сохранить. Для того, чтобы прийти к такому выводу, привести к нему читателя, автор сборника в разных аспектах рассматривает не только категории смерти, судьбы и жизни, но и такую духовную ценность, как умение понять и принять другого.

В цикле диалоги о тигре и с тигром ведут представители разных культур (русской и коренных народов Дальнего Востока) и поколений (студенты-охотоведы и опытные охотники). Они сталкиваются с тигром специально (браконьеры) или невольно (охотники), друг с другом, и каждый раз это встреча не только конкретных персонажей, но и разных систем ценностей, картин мира. П.В. Фоменко подчёркивает, что для коренных народов характерно полное понимание и принятие тигра (как конкретного встреченного животного, так и божественного зверя вообще), не случайно уже в первом рассказе у мёртвого тигра плачет, упав на колени, удзгеец Василий, одетый в старенькую куртку, "в родовой орнамент которой были вплетены маленькие человечки и крадущийся тигр" ("Убей меня"). Родство коренных этносов с тигром, их неразрывная связь с ним будет обозначаться и в последующих произведениях ("Немой", "Дух", "Два охотника", "Слепой охотник"). А вот понимание и принятие зверя русским человеком представлено П.В. Фоменко как длительный и непростой процесс, тесно связанный с проблемой экологии, бережного отношения к окружающей природе.

С болью автор пишет о "лесогубах" ("Нападение", "Два охотника"), об исковерканной тайге, где валят лес, однако также он отмечает, что среди русских есть и люди, которые заботятся о природе, стремятся её сохранить и постичь. Знаковым в этом плане является образ безымянного казака ("Отлов"), атамана, обладающего особым умением лечить людей. И не случайно П.В. Фоменко называет героя именно колдуном. У восточных и западных славян колдун – это бинарный персонаж, человек с демоническими свойствами, умеющий творить как добро, так и зло [8, с. 528]. В рассказе казак-колдун переживает за судьбу тигра, которого стараются поймать, не хочет, чтобы его убили, и поэтому уходит недалеко в тайгу, разводит костёр и обращается к зверю. Один персонаж, наделённый бинарной символикой, стремится выстроить диалог с другим, имеющим аналогичные характеристики, только в другой культуре. В данной сцене есть ещё третий герой – Юрка, руководитель группы по минимизации конфликтов с хищниками, невольно ставший свидетелем незримого диалога. И опосредованный диалог колдуна с тигром переходит в косвенный диалог с Юркой о судьбе тигра: тигро вернувшись в лагерь, Юрка дожидается возвращения колдуна и предлагает тост, в котором говорит, что тигру не причинят вреда, и атмосфера из напряжённой становится очень тёплой. Мы наблюдаем, что и этот персонаж проявляет понимание как тигра, так и человека, принимает их и стремится выстроить с ними доверительные отношения. Так ярко обозначается в произведениях цикла следующая важная духовная ценность – дружба.

Если для коренных народов диалог с тигром – это взаимодействие с предком, то для русских людей, способных к принятию другой культуры, такой диалог становится шагом к последующей крепкой дружбе. И такой шаг порой сделать очень трудно. Насколько это тяжело, мы можем увидеть в произведении "Почелуй тигрицы", где герой приходит к пониманию тигра, умению вести с ним молчаливый диалог после того, как безвинно пострадал от когтей зверя и выжил. На больничной койке герою видится, что тигрята, о которых он заботился, осторожно массируют своими мохнатыми шероховатыми лапками его истерзанную щеку, а неподалёку сидит их мать и виновато поглядывает. О дружбе человека и тигра П.В. Фоменко рассказывает в произведении "Кому он нужен, этот тигр?": тигролов Владимир Емельянович и спасённый им тигр Лютый даже разговаривают на своём особом языке и прекрасно понимают друг друга. В другом тексте ("Дух") дух тигра, посланный другом-шаманом Василием русскому охотнику-разведчику, словно вселяется в человека, даёт свою силу и помогает вернуться живым на базу. А когда помогающий дух покидает героя, тот чувствует скольжение шёлковой шерсти по лицу. Мы видим, как тонкая связь человека и зверя показывается через прикосновение, мимолётное, но запоминающееся, и нематериальная ценность дружбы на миг на-

ходит в этом своё конкретное воплощение. Для автора дружба – это путь понимания, доверия и принятия, постижения другого и его культуры, взаимосвязи всего живого на планете, а также категория, стоящая в одном ряду с такими духовными ценностями, как честь и достоинство.

П.В. Фоменко в своих произведениях размышляет о поведении людей, о степени человечности тех или иных персонажей, о нравственном кодексе охотника как хозяина и защитника тайги. Однозначное осуждение получают пьянство и жадность ("Убей меня", "Шланг", "Поцелуй тигрицы"), из-за которых разрушается личность, совершаются бездумные поступки и – как следствие – гибнет всё живое. Тигр в цикле ("Два охотника", "Кому он нужен, этот тигр?", "Что-то пошло не так", "Немой", "Слепой охотник") изображён как зверь, сохраняющий гармонию тайги, соблюдающий кодекс охотника, не истребляющий бездумно, не берущий больше, чем ему нужно, в отличие от волков (в этом древнем противостоянии жадного волка, стремящегося убить как можно больше, и тигра, берущего только необходимое, скрыта причина нелюбви тигра к собакам, которую так сложно понять и принять русским охотникам, для которых собака – друг). В рассказе "Два охотника" проводится параллель между человеком и зверем: видим это и в названии, и в упоминании, что тигрица охотно ходила по тропам охотника (здесь можно увидеть общее для многих культур представление пути как символа судьбы [7], и тогда для тех, у кого один путь, общей является судьба), и в "зеркальности" хода событий: сначала человек невольно помогает тигрице, оказавшейся в беде, а потом она делится с заболевшим охотником добычей. Мишка ведёт со зверем внутренний диалог, а затем, после своего спасения, увидев след, падает перед ним на колени и славит тигра на почти забытом языке бикинских охотников. В произведении "Немой" Санька, также охотник из коренных народов, подкармливает осиротевшего тигренка, а тот потом, окрепнув и став сильным зверем, в благодарность помогает получить богатую добычу, выгоняя на выстрел изюбров-самцов. Человек и тигр целый год так охотятся вместе, делятся добычей, живут по правилам взаимопомощи, понимая друг друга. Конечно, зверь присутствует рядом незримо, у него, таёжного божества, свой путь, а у охотника свой, но часто эти пути пересекаются, становясь на какое-то время общими.

В произведениях П.В. Фоменко часто подчеркивается, что у настоящих охотников, живущих по правилам чести, запрет на убийство тигра очень силён, и его наличие зависит не от национальности, а от нравственных качеств. О смерти зверя сожалеет и представитель коренных народов ("Слепой охотник"), и русский ("Нападение"); русский герой рассказа "Промях" радуется, что не убил случайно тигра, а в произведении "Бич Ильич" удэгеец Аркадий рассказывает о сохраняющемся табу на убийство тигра: старики соблюдают строго, а молодые, которые нарушают, потом жестоко расплачиваются. Автор постоянно подчёркивает, что настоящие охотники понимают друг друга без слов, и к таким охотникам, живущим по правилам чести, сохраняющим равновесие в природе, он относит не только людей, но и тигров. Наблюдаем устойчивую параллель человека и этого зверя, ведущих друг с другом и друг о друге постоянный внутренний диалог, потому что их судьбы и жизненные пути в тайге переплетены. И в контексте такой неразрывной связи возникает ещё одна центральная тема сборника – ценность памяти, традиций и семьи.

Настоящий охотник (и тигр, и человек) всегда ощущает причастность к семье и роду, думает о предках и потомках: об отце ("Убей меня"); о сыне и тигрятах ("Поцелуй тигрицы"); о матери, отце, брате и двух новорождённых котятках ("Два охотника"); о маме, брате и сестрёнке, своих детях-тигрятах ("Упорный") и др. Он стремится стать опорой семье, и по описаниям испытываемых героем чувств в текстах очень сложно чётко разграничить зверей и людей, ведущим становится такой приём, как олицетворение. П.В. Фоменко изображает семью как величайшую ценность, смысл жизни человека и тигра, как то, что способствует сохранению и передаче традиционного уклада (человек и тигр нередко ходят по тропам, проложенным их предками ("Месть", "Убей меня"), что символизирует тесную связь поколений), сложившегося у коренных этносов за многие поколения и сберегающего тайгу. В

цикле показаны взросление и человека, и тигра, сложный и многомерный, изменчивый мир каждой семьи, очень похожей у человека и зверя.

Затрагивается также проблема существования в современности разных культурных традиций, их влияния на судьбу тигра и тайги: пара штрихов посвящена деятельности китайцев, отравляющих природу отходами сельского хозяйства и промышленности, скупающих богатства дальневосточной тайги и теряющих расположение тигра (Владик в одноимённом рассказе передумывает идти в земли своей древней родины); с большой теплотой описывается взаимопонимание охотников-удэгейцев и окружающей их природы, органичное сосуществование людей и тайги (однако в таких рассказах есть и боль, поскольку некоторые представители коренных этносов спиваются и теряют достоинство охотника, грабят тайгу, в том числе и вырубая ценный лес, идущий затем в Китай и Японию). Неоднозначно оценивается деятельность русского человека: есть в ней очень многое, что вызывает негодование автора (пьянство, слепая и бездумная жажда обогащения, расхищение природы), однако с ней же связывается П.В. Фоменко защита тайги и её обитателей (образование заповедников, помощь животным, умение понять чужую картину мира и не просто выстроить диалог с ее носителем, а подружиться с ним). Что интересно, прямые названия национальности (а не косвенные отсылки) автор использует чаще в положительном контексте: в цикле упоминаются удэгейцы, нанайцы, эвены, чтушие национальную культуру и тигра как её важную часть, первооснову; о русских говорится трижды – при описании русского гостеприимства, связанного с образом Наташи, милой и работающей хозяйки ("Нападение"), при изображении русского колдуна, стремящегося защитить тигра ("Отлов"), при перечислении того, чем Россия может гордиться: русский балет, освоение космоса, автомат Калашникова и тигр ("Кому он нужен, этот тигр?"). В качестве важнейших русских национальных ценностей П.В. Фоменко отмечает радушие и гостеприимство, умение понять и принять другую культуру, и тигр становится русской ценностью, мировым достижением страны, а дальневосточная тайга – родной землей для всех, кто о ней заботится. Для этих людей, подчёркивает автор, очень важна такая духовная ценность, как свобода, которая также неразрывно связана с образом тигра и диалогом, введущем о нем и с ним.

Тигр как воплощение жизни тайги не представляет себя без той территории, которую выбирает сам, заняв свободные земли либо отвоевав их у соперника. В других условиях тигру жить трудно: П.В. Фоменко с грустью описывает толстых тигров в китайском зоопарке, сравнивает тигра в неволе с узником, его герой не может видеть зверя в зоосаде, в человеческой тюрьме. Свобода важна и для охотника: его полнокровная жизнь возможна лишь в тайге, чьей частью он также становится (не случайно в рассказе "Упорный" автор пишет о голубых с зелёным отливом глазах охотоведа). То, что эта духовная ценность многое значит для человека и зверя, подчёркивает отсылка к казачеству (тигрица Казачка и упоминание казачьего духа дальневосточников ("Поцелуй тигрицы"); русский колдун, являющийся атаманом казаков ("Отлов")), для которого это также одна из базовых ценностей бытия [1]. И в целом исследователями (например, Т.В. Краюшкиной) отмечается широкое распространение интерпретаций данной категории в песенном фольклоре Сибири и Дальнего Востока России [6]. Стремление зверя к свободе находит отклик в душе человека вне зависимости от культурной принадлежности, делает, как и одинаковые представления о чести охотника, их диалог не просто возможным, но закономерным.

Таким образом, мы наблюдаем, что в современной дальневосточной прозе актуальным остаётся обращение к проблемам таких духовных ценностей, тесно переплетённых и универсальных для многих культур, как представления о смерти, судьбе и жизни, умение понять и принять другого, дружба, честь и достоинство, любовь к традициям, семье и свободе. П.В. Фоменко широко использует такие приёмы выразительности, как параллелизм, олицетворение и символика. Интересны элементы нелинейности сюжета и отдельных рассказов, и всего цикла: это позволяет автору сопрягать события прошлого и настоящего, всесторонне рассматривать их, создавать у читателя ощущение честного и откровенного диалога, помогающего

постичь картину мира и духовные ценности дальневосточных охотников. В центре диалога, представленного в разных формах (внешней и внутренней, прямой и опосредованной), находится образ тигра, который является средоточием жизни тайги, одной из величайших ценностей России. И таким построением, такой формой повествования, такими выразительными средствами формируется основная идея сборника – ответственность человека за всё живое на земле, его не просто тесная, а кровная связь с окружающим миром. Соответственно главной задачей, важной составляющей жизни людей, позволяющей ощущать полноту и гармонию этого мира, сохранять лучшие нравственные качества, становится соблюдение равновесия в природе, её защита.

Литература

1. Бакурадзе А. Б. Свобода как ценность казачества // Эпомен. 2020. № 40. С. 10–23.
2. Гаврилин К. Н. Тигриная история: искусство и реальность // Тигриная история. Каталог выставки международного конкурса художников. М., 2016. С. 4–24.
3. Гура А. В. Медведь // Славянские древности: этнолингв. сл. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 211–215.
4. Карлова С. С. "Жизнь" и "смерть" как фундаментальные категории в культуре // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2020. № 2–3. С. 25–29.
5. Кириллова Е. О. Духовно-ценностная концепция ориента в художественных произведениях Н.А. Байкова: китайские и тунгусо-маньчжурские представления о тигре // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 2. С. 454–462.
6. Краюшкина Т. В. От воли и неволи к свободе: традиционные представления в русском песенном фольклоре Сибири и Дальнего Востока России // Россия и АТР. 2019. № 4. С. 22–41. doi: 10.24411/1026-8804-2019-10052
7. Лавренова О. А. Бытие между. Семантика дорог в культурном ландшафте // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2020. № 1. С. 53–66. doi: 10.31249/chel/2020.01.03
8. Левкиевская Е. Е. Колдун // Славянские древности: этнолингв. сл. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 528–534.
9. Миронова Е. Н. Духовные ценности как основа единства российского народа // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2014. Вып. 5. С. 228–232.
10. Подмаскин В. В. Древние представления о тигре и леопарде у коренных народов Нижнего Амура и Сахалина как историко-этнографический источник // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 12. С. 120–126. doi: <https://doi.org/10.30853/mns200549>
11. Рыльская Т. П. Смерть как социокультурный феномен // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 5. С. 124–126.
12. Силэм Ю. А. Человек и его судьба в мифологии // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2006. № 4. С. 110–115.
13. Ситцевый бабр – хозяин тайги // Приморская газета. 24.09.2017. URL: <https://primgazeta.ru/news/sitcevyj-babr-s-hozyain-tajgi-23-09-2017-02-04-55?ysclid=l743ingphp996941435> (дата обращения: 01.09.2022).
14. Старцев А. Ф. Тигр и его почитание этносами Азии // Этнические представления тунгусо-маньчжуров о природе и обществе. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 84–102.
15. Тарковский М. А. Предисловие // Фоменко П. В. Поцелуй тигрицы. О дикой природе, таежных странствиях, жестоких испытаниях судьбы и спасении легендарных хищников. М.: Эксмо, 2020.
16. Фетисова Л. Е. Традиционный повествовательный фольклор тунгусо-маньчжуров // Россия и АТР. 2013. № 3. С. 128–141.
17. Фисенко А. Б., Кулышева О. М. Диалог как литературоведческое понятие // Нижневартковский филологический вестник. 2020. Т. 5. № 2. С. 62–66. doi: 10.5281/zenodo.4277663
18. Фоменко П. В. Поцелуй тигрицы. О дикой природе, таежных странствиях, жестоких испытаниях судьбы и спасении легендарных хищников. М.: Эксмо, 2020.
19. Чой Чжунын. Праздник "День тигра" как социокультурный объект // Культура и искусство. 2017. № 5. С. 1–11. doi: 10.7256/2454-0625.2017.5.23182
20. Чэнь Синюй. Образ тигра в дальневосточной аномалистической прозе // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира: материалы XI Международной студенческой научно-практической конференции. Хабаровск, 2020. С. 251–255.
21. Cheng Shuangting. Мифические образы в повести "Великий Ван" Н.А. Байкова // Litera. 2021. № 9. С. 89–95. doi: 10.25136/2409-8698.2021.9.36348.

References

1. Bakuradze A. B. Freedom as the value of the Cossacks // *Epomen*. 2020. No. 40. P. 10–23. (In Russ.).
2. Gavrilin K. N. Tiger story: art and reality // *Tiger story*. Catalog of the exhibition of the international competition of artists. Moscow, 2016. P. 4–24. (In Russ.).
3. Gura A. V. Bear // *Slavic antiquities: ethnolinguistic voc. M.: International relations*, 2004. Vol. 3. P. 211–215. (In Russ.).
4. Karlova S. S. "Life" and "death" as fundamental categories in culture // *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and healthcare*. 2020. No. 2–3. P. 25–29. (In Russ.).
5. Kirillova E. O. The spiritual and value concept of the orient in the works of N.A. Baykov: Chinese and Tungus-Manchurian ideas about the tiger // *The world of science, culture, education*. 2022. No. 2. P. 454–462. (In Russ.).
6. Krayushkina T. V. From will and bondage to freedom: Traditional ideas in Russian song folklore of Siberia and the Russian Far East // *Russia and the Asia-Pacific region*. 2019. No. 4. P. 22–41. doi: 10.24411/1026-8804-2019-10052 (In Russ.).
7. Lavrenova O. A. Being between. Semantics of roads in the cultural landscape // *Man: Image and essence. Humanitarian aspects*. 2020. No. 1. P. 53–66. doi: 10.31249/chel/2020.01.03 (In Russ.).
8. Levkieskaya E. E. Magician // *Slavic antiquities: ethnolinguistic voc. M.: International relations? 1999*. Vol. 2. P. 528–534. (In Russ.).
9. Mironova E. N. Spiritual values as the basis of the unity of the Russian people // *Vestnik Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences*. 2014. Iss. 5. P. 228–232. (In Russ.).
10. Podmaskin V. V. Ancient ideas about the tiger and leopard among the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin as a historical and ethnographic source // *Manuskript*. 2020. Vol. 13. Iss. 12. P. 120–126. doi: <https://doi.org/10.30853/mns200549> (In Russ.).
11. Ryl'skaya T. P. Death as a socio-cultural phenomenon // *Cultural life of the South of Russia*. 2009. No. 5. P. 124–126. (In Russ.).
12. Silem Yu. A. Man and his fate in mythology // *Bulletin of the Chuvash University. Humanities*. 2006. No. 4. P. 110–115. (In Russ.).
13. Calico babr – the owner of the taiga // *Primorskaya gazeta*. 24.09.2017. URL: <https://primgazeta.ru/news/sitcevyj-babr-s-hozyain-tajgi-23-09-2017-02-04-55?ysclid=I743ingphp996941435> (accessed 01.09.2022). (In Russ.).
14. Startsev A. F. The Tiger and its veneration by Asian ethnic groups // *Ethnic ideas of the Tunguso-Manchus about nature and society*. Vladivostok. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2017. P. 84–102. (In Russ.).
15. Tarkovskii M. A. Preface // Fomenko P. V. *The Kiss of the Tigress. About the wild nature, taiga wanderings, cruel trials of fate and the rescue of legendary predators*. Moscow: Eksmo Publ., 2020. (In Russ.).
16. Fetisova L. E. Traditional narrative folklore of the Tunguso-Manchus // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2013. No. 3. P. 128–141. (In Russ.).
17. Fisenko A.B., Kultysheva O.M. Dialogue as a Literary Concept // *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*. 2020. Vol. 5. No. 2. P. 62–66. doi: 10.5281/zenodo.4277663 (In Russ.).
18. Fomenko P. V. *The Kiss of the Tigress. About the wild nature, taiga wanderings, cruel trials of fate and the rescue of legendary predators*. Moscow: Eksmo Publ., 2020. (In Russ.).
19. Choi Chzhunyn. Tiger Day holiday as a socio-cultural object // *Culture and Art*. 2017. No. 5. P. 1–11. doi: 10.7256/2454-0625.2017.5.23182 (In Russ.).
20. Chen' Sinyui. The image of the tiger in the Far Eastern anomalistic prose // *Dialogue of cultures – dialogue about peace and in the name of peace: materials of the XI International Student Scientific and Practical Conference*. Khabarovsk, 2020. P. 251–255. (In Russ.).
21. Cheng Shuangting. Mythical images in the story "The Great Van" by N.A. Baykov // *Litera*. 2021. No. 9. P. 89–95. doi: 10.25136/2409-8698.2021.9.36348 (In Russ.).

Мария Сергеевна КИСЕЛЕВА, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: kiseleva.ms@dvvu.ru

Maria S. KISELEVA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian Language and Literature Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kiseleva.ms@dvvu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 21.09.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 25.11.2022

Принята к публикации
(Accepted) 09.12.2022